

О. В. АКБАЕВА
(Южный Федеральный Университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 811.161.1'373:811.161.1'38
ББК Ш141.12-36+Ш141.12-55

ФРАЗЕОСХЕМА «Ну не + N₁!»: СИСТЕМНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СВОЙСТВА

Аннотация: Данная статья посвящена описанию системных и функциональных свойства фразеосхем с опорным компонентом, репрезентированным сочетанием *ну не*, включающим в свой состав междометие и усилительный союз. Актуальность исследования обусловлена неизученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. Установлено, что данная фразеосхема характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность. Автор доказывает, что фразеосхема «Ну не + N₁!» является производной, обладает всеми фразеологическими признаками и представляет собой ресурс экспрессивного синтаксиса. Фразеосхема с опорным компонентом *ну не* достаточно частотна и эффективна в процессе коммуникации, придает ему непринужденный характер.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; фразеосинтаксическая схема; фразеологическая подсистема; русский язык, идиоматичность, неполнознаменательность, энантиосемия.

Фразеосинтаксические схемы (далее – фразеосхемы) активно применяются в практике разговорной коммуникации. Это обусловлено целым рядом специфических свойств, в первую очередь, фразеологичностью. Активно фразеосхемы стали изучаться с середины XX века. К ключевым работам по синтаксической фразеологии можно отнести труды В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, А.В. Меликян, В.Ю. Меликяна и некоторых других учёных.

В настоящей статье под фразеосхемой понимается «коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной

нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию. Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым (опорным) как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй – изменяемым, т.е. лексически свободно варьируемым, а грамматически устойчивым» [Меликян 2014: 12].

Фразеосхемы являются самостоятельным классом синтаксических фразеологических единиц [Меликян 2010]. По характеру опорного компонента они делятся на несколько групп: с опорным компонентом, выраженным наречием (вопросительным и невопросительным), местоименным словом, частицей, междометием, предлогом, полнознаменательным словом и союзом [Меликян 2014: 12].

В данной статье будут проанализированы системные и функциональные свойства фразеосхемы с опорным компонентом, репрезентированным сочетанием *ну не*, включающим в свой состав междометие и усилительный союз.

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» является моносемичной и выражает следующее значение:

1) «утверждение факта, о котором формально спрашивается; в сочетании с высокой степенью уверенности и различными эмоциями», например:

– *Ты их бьёшь, а они лезут, как вредная черепашка на хлеб... Ну не гады?* (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» является производной. Она образовалась на основе простого вопросительного предложения, например:

– Такой шанс упустить! *Ну не глупо*, скажи мне? – Да, глупо получилось. (Из разг. речи).

Данная фразеосхема сформирована на основе общего вопроса, который, как известно, предполагает краткий ответ: «да» или «нет». Такую этимологическую модель можно назвать энантиосемической. Фразеосхема образована на основе переосмысления значения высказывания на противоположное. Этому способствует следующая за вопросом реплика-реакция, которая содержит ответ на данный вопрос. В тех случаях, когда ответ очеви-

ден, возможно опущение ответа и наделение вопросительного высказывания сразу обеими функциями: вопросительной и реактивной. Такие предложения получили название «риторический вопрос».

Энантioseмическая модель формирования фразеосхемы обусловила наличие лишь одного значения у фразеосхемы. Семантическая категория энантioseмии предполагает противопоставление двух значений. В данном случае отрицательное значение представлено в производящем вопросительном предложении. А отрицательное – в производной фразеосхеме. Третий компонент в данной схеме не предусмотрен, а потому фразеосхема моносемична.

В составе производящего предложения часто используется и усилительная частица *ну*, способствующая интенсификации предмета речи и акцентированию внимания на нём.

«**Ну**, частица. 4. усилительная. Употребляется для придания высказыванию большей силы, выразительности, подчеркивает значение того или другого слова. – *Ведь это всё неправда? ... - Ну, конечно, неправда, – ответила Екатерина Дмитриевна, устало закрывая глаза.* А. Толстой, Сёстры» [Словарь русского языка 1985:15].

Если в исходном предложении частица *ну* является переменным (факультативным компонентом), то во фразеосхеме она стала обязательным структурным компонентом фразеосхемы.

Обязательный неизменяемый компонент *ну не* фразеосхемы «**Ну не + N₁!**» является составным. Он репрезентирован сочетанием двух частиц. Частица *ну* выражает значение «усиления», а частица *не* – значение «отрицания». В связи с тем, что фразеосхема построена по энантioseмической модели («отрицание» → «утверждение»), следует признать основным компонентом частицу *не*. Исходное лексико-семантическое значение опорного компонента актуально. Парадигматическими свойствами он не обладает по причине неполнозначности составляющих его лексем. Например:

– *Не подходите ко мне! – Ну не дурёха?! Чего боишься?* (И. Гончаров).

Обязательный изменяемый компонент является простым. Он

имеет дефектную лексико-грамматическую парадигму, т.к. представлен только именем существительным, именем прилагательным и наречием. Анализ языкового материала показал, что доминирует здесь имя существительное. Например:

[Дикой:] Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу! Ну не иезуит! Вот навязался. (А. Островский. Гроза);

У него в голове было своё царство цифр в образах: [...] все фигуры ... рисовались то знакомыми людьми, то походили на разных животных. – Ну не пустой ли малый! – воскликнул учитель. (И. Гончаров. Обрыв).

Морфологическая парадигма обязательного изменяемого компонента нулевая: допускается лишь форма именительного падежа именных частей речи. Например:

– Бей его! – вдруг крикнул кто-то. И не успел Рыжик опомниться, как слетел с ног от удара, полученного в затылок. – Ну не подлец! – прошептал сосед Саньки и нагнулся к нему. (А. Свирский. Рыжик).

Обязательный изменяемый компонент лексически свободно варьируем. При этом доминируют лексемы с номинативно-характеризующим значением. Например:

[Аграфена Кондратьевна:] Ишь ты! Не утомилась! Ну не юла?! (А. Островский. Свои люди – сочтёмся);

– А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярмарку возил? – Ну не дурак ты! (В. Шукшин. Рассказы);

– А мой отец подвернулся под горячую руку. – Да почему? – Специально дождался меня у магазина. Ну не подхалим! (В. Шукшин. Обида);

Савелий недоверчиво поглядел на жену, потянулся губами к лампочке, но тотчас же спохватился и всплеснул руками. – Ну не хитрость ли бесовская? – воскликнул он. – А? Ну ли какая тварь хитрее бабьего роду? (А. Чехов. Ведьма).

Порядок следования обязательных компонентов во фразеосхеме «Ну не + N₁!» необратим, поэтому она синтаксической парадигмой не обладает. Это обусловлено утратой синтаксических отношений между синтаксическими элементами модели предложения. Например:

– А что, бомбят уже? – спросил мужик. – Ну не дурак!

Пойди простись лучше. (В. Беляев. Старая крепость).

В структуре данной фразеосхемы выявлен один факультативный компонент (*ли*), который занимает исключительно постпозицию по отношению к обязательному изменяемому компоненту: «**Ну**(_с) **не** + **N₁** [**Adj₁**, **Adv**] + <**ли**>(?!):». Например:

Миллионер взял Ивана под руку и повёл из избы. – Ну не паразит ли? – Всё изумлялся Иван. (В. Шукшин. Рассказы).

Факультативный компонент в системе языка имеет следующее значение:

«**Ли** и **Ль**. **I**. частица (ставится всегда после того слова, к которому относится). **I**. *вопросительная*. Употребляется в прямом вопросе для усиления вопросительного характера предложения. – *Скажите, где конь мой ретивый. Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?* Пушкин. Песнь о вещем Олеге» [Словарь русского языка 1985:15]. Таким образом, кроме усилительной частицы *ну*, в данной фразеосхеме используется ещё один интенсификатор прагматического потенциала высказывания. Значение данных модальных средств (*ну*, *не*, *ли*) в полной мере коррелирует между собой.

Фразеосхема «**Ну не** + **N₁**!» может распространяться за счёт других членов предложения. Однако подобное варьирование её структуры используется коммуникантами крайне редко. Типичным распространителем является фраза *после этого*. Например:

– *Фёдор целую банку малины съесть может! – Ну не молодец он! Малина очень полезная, – ответила Светлана.* (А. Гайдар. Голубая чаша);

– *Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!* (В. Шукшин. Страдания молодого Ваганова);

– *Дошло, батя. Шутить мне сейчас-то не хочется. – Ну не бесстыдник ты после этого!* (В. Шукшин. Рассказы);

– *Ну не дурак после этого! – проговорил Димка и не сказал больше ничего.* (А. Гайдар. Р.В.С.).

Ограничения в плане распространения обусловлены неполнознаменательностью лексем, представленных в опорном и факультативном компонентах, которые, как известно, не обладают набором морфологических форм. В силу того, что русский язык

является синтетическим, использование аналитических форм согласования крайне ограничено.

На основе данной фразеосхемы сформировано две коммуникемы:

«Ну не + ... ?!»; Ну не ёлки-палки [едрёна бабушка, ё-моё, тётка его за ногу, чёрт побори, ...]?! Выражение возмущения, негодования, досады, разочарования и т.п. – Не нелегкая ли меня за язык дернула? – говорил я сам себе, – и в своем ли я был уме и разуме. (А. Болотов. Записки).

♦ строится по модели ритор. вопроса «Ну не + коммуникема (эмоц.-оцен.)?!»; приобретает семантические и стилевые черты соответствующей коммуникемы.

Ну не чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] ли меня [тебя, вас, его, её, нас, их] <за язык> дёрнул (-а)?!; Ну не чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] ли меня [тебя, вас, его, её, нас, их] попутал(-а)?! См. Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] дёрнул(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их] <за язык>!; Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] попутал(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их]!» [Меликян 2013: 11].

Продуктивной в данном аспекте является и фразеосхема «**Ну [ах, ох, эх, ух, уж]_(с) + <и> + N₁ [V finit, Adj₁, Adv, Pron₁] + <же>!**». Вероятно, это обусловлено обобщенным характером значения опорных компонентов, репрезентированных неполнознаменательными частями речи. Это коррелирует с основным принципом построения коммуникем, который связан с обобщением семантики производных языковых единиц.

Сходной с данной фразеосхемой является и сочетаемость с другими высказываниями в тексте, которая носит преимущественно семантический характер. При этом фразеосхема взаимодействует с контекстуальным окружением на основе общности субъективно-модального компонента значения. Например:

– **Одолели татар-то? – Ну не дурак! Одолели... Своих под Перекопом тысяч двадцать уложили...** (А. Толстой. Пётр Первый);

...**Врач пожал плечами и сказал певучим тенором: – Ну и дурак! Ну не дурак? ... дурак такой, ведь нога пропадёт!** (А. Че-

хов. Беглец);

– *С кем я имею честь говорить? – спросил он его. – С кем говоришь?! Ну не скотина! Знать надо.* (А. Чехов. Шведская спичка);

– *Не знаешь ли, тётушка, чьи там могилки? – Знаю! Как же! Всегда интересовалась..., ну не дурак!* (Н. Помяловский. Мещанское счастье).

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Рассмотрим лишь специфический признак, который отличает её от других фразеосхем, – признак идиоматичности.

Идиоматичность описываемой фразеосхемы проявляется в невыводимости элементов фразеосинтаксического значения и некоторых других. Например:

– *Как же вы, дядюшка, не опасаетесь за себя? Стало быть и ваша невеста ... надует вас? – Ну не дурак?! – возразил старик.* («Дурак + удивление, неодобрение, возмущение и т.п.») (И. Гончаров. Обыкновенная история).

В данном примере идиоматичным является значение «утверждения», «интенсивности» («высокой степени уверенности выражаемого утверждения») и «экспрессивности». Экспрессивность детерминирована, в том числе асимметрией формы и содержания по знаку: форма отрицательная, а содержание утвердительное. Идиоматично и наполнение модусной пропозиции («удивление, неодобрение, возмущение и т.п.»), а также «синтаксема», т.к. высказывание по форме является вопросительным (нефразеологизированным), а по коммуникативной функции повествовательным утвердительным (фразеосхема).

«Разговорная стилема» заимствована фразеосхемой из производящего предложения, а потому к идиоматичным компонентам не относится.

Таким образом, фразеосхема «**Ну не + N₁!**» обладает всеми фразеологическими признаками и представляет собой полноценный ресурс экспрессивного синтаксиса. Она является важ-

ным средством речевой коммуникации и способна реализовать самые разнообразные авторские интенции.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов н/Д, 1964.

Меликян А.В. Этимология фразеосхем испанского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №3.

Меликян А.В. К проблеме фразеологизации синтаксических конструкций (на материале испанского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №3.

Меликян В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопр. языкознания. 1999. №6.

Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. №11.

Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. 2011. №2.

Меликян В.Ю. Классификация русских коммуникем по степени фразеологизации // Русский язык в школе. 2012. № 4.

Меликян В.Ю. Стереолингвистика (теория речевого стандарта) как раздел языкознания // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: Монография. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.

Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] – М.: Флинта: Наука, 2013.

Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. [Электронный ресурс] Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и докторантов. – М.: Флинта: Наука, 2013.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие для студентов. – М.: Флинта: Наука, 2014.

Меликян В.Ю., Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь // Русский язык в школе. 2015. № 3.

Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т.1. – М., 1980.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1985.

Шанский Н.М. Фразеология русского языка. – М., 1969.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960.

Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

© Акбаева О. В., 2016